

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.38>

Муталов Расул Османович, Вагизиева Наида Арсланхановна

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В КАДАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются проблемы категории наклонения в одном из бесписьменных даргинских языков - кадарском, распространенном в Дагестане. Основное внимание уделено образованию и функционированию косвенных наклонений в данном языке. Всего выявлено девять глагольных форм, имеющих значение модальности. Исследованы способы образования данных наклонений, описаны семантические значения. Выявлены также особенности функционирования категории наклонения в кадарском языке сравнительно с акушинским и другими даргинскими языками. В частности, установлено, что количество модальных форм, функционирующих в кадарском языке, меньше, чем в других даргинских языках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 175-179. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.351.22

Дата поступления рукописи: 20.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.38>

В статье рассматриваются проблемы категории наклонения в одном из бесписьменных даргинских языков – кадарском, распространенном в Дагестане. Основное внимание уделено образованию и функционированию косвенных наклонений в данном языке. Всего выявлено девять глагольных форм, имеющих значение модальности. Исследованы способы образования данных наклонений, описаны семантические значения. Выявлены также особенности функционирования категории наклонения в кадарском языке сравнительно с акушинским и другими даргинскими языками. В частности, установлено, что количество модальных форм, функционирующих в кадарском языке, меньше, чем в других даргинских языках.

Ключевые слова и фразы: кавказские языки; даргинские языки; кадарский язык; грамматика; словоизменительные категории; наклонение; модальность.

Муталов Расул Османович, д. филол. н., профессор
Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва
mutalovr@mail.ru

Вагизиева Наида Арсланхановна
Дагестанский гуманитарный институт, г. Махачкала
naida.vagizieva@mail.ru

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В КАДАРСКОМ ЯЗЫКЕ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00718
«Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словарь».*

Кадарский язык распространен в Центральном Дагестане, в северной части даргинского ареала. Развивается обособленно от других даргинских языков – в окружении кумыкского и аварского языков. В нем отмечен ряд языковых явлений, не встречающихся в других даргинских идиомах. Тем не менее язык исследован пока слабо, имеются лишь фрагментарные сведения о некоторых его фактах [3]. Неизученными остаются образование и функционирование различных грамматических форм, в частности глагольных категорий, чем и объясняется **актуальность** темы исследования. **Целью** статьи является синхронное описание категории наклонения в кадарском языке. В **задачи** исследования входит: а) выявление всех функционирующих в данном языке модальных форм глагола, определение инвентаря морфем данной категории; б) описание основных значений косвенных наклонений и способов их образования; в) сравнение их с формами наклонений литературного даргинского языка и других идиомов и установление на этой основе имеющих особенностей. С целью решения данных задач использованы метод синхронного анализа и сравнительно-сопоставительный метод. **Научная новизна** работы заключается в том, что в ней впервые системно исследована категория наклонения в кадарском языке, выявлены грамматические показатели наклонений, отсутствующие в других даргинских языках, изучены функциональные особенности данной категории. Материал исследования собран в ходе экспедиции в село Чанкурбе Буйнакского района Республики Дагестан.

Наклонение в лингвистике рассматривается как словоизменительная грамматическая категория глагола, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания и/или отношение ситуации к реальному миру (ее реальность, ирреальность, желательность), т.е. различные модальные значения. Наклонение является грамматическим средством обозначения модальных значений [4].

Категория наклонения получила в даргиноведческих работах довольно подробное описание. В общих грамматиках и специальных статьях, посвященных изучению различных идиомов, в числе других грамматических категорий рассматриваются также формы наклонений и способы их образования [1; 5; 9; 10]. В специальной работе М.-С. М. Мусаева даны критерии разграничения модальных форм глагола, а также особенности образования наклонений в различных даргинских диалектах и говорах [7]. Однако исследователи по-разному подходят как к разграничению модальных форм глагола в даргинских языках, так и к их обозначению. Следует также отметить, что сведения о категории наклонения в кадарском языке в научной литературе отсутствуют.

Собранный нами материал позволяет выделить в кадарском языке девять форм наклонений: прямое наклонение – индикатив, куда входят все видо-временные формы глагола, и косвенные наклонения. В зависимости от выражаемых значений и способов образования косвенные наклонения можно разбить на несколько групп, которые выражают: желательность (оптативные формы – оптатив маркированный, оптатив немаркированный, оптатив ирреальный), повеление (императивные формы – императив, рогатив, прохитив), кондиционалис и концессив.

Оптативные формы выражают желание говорящего по отношению к событию, «совершение которого зависит от сверхъестественных сил или судьбы – ответственность за выполнение как бы не лежит на участниках речи» [11, с. 283]. Формы оптатива в кадарском языке, как и в целом в даргинских языках, используются

в разговорной речи для выражения различных положительных эмоций (пожелание здоровья, выражение радости, счастья) и проклятий. Отметим, что в кубачинском языке оптативные формы А. Магометов называет «формами проклятий и благожеланий» [5, с. 157]. В кадарском языке функционируют три формы оптатива: оптатив маркированный, оптатив немаркированный и оптатив ирреальный.

Маркированный оптатив содержит специальный показатель, выражающий желание говорящего совершить действие: форма 3-го лица образуется посредством присоединения к основе совершенного или несовершенного вида показателя *-аб*: *чар-ухъ-аб* «пусть вернется». Формы 1-го и 2-го лица образуются присоединением к форме 3-го лица аффикса *-ри*:

1 л. *ну хЛанкелака чарухъ-аб-ри* «пусть я вернусь с работы»

2 л. *хЛу хЛанкелака чарухъ-аб-ри*

3 л. *ит хЛанкелака чарухъ-аб.*

По своему образованию кадарский маркированный оптатив имеет ряд отличительных особенностей от оптатива акушинского идиома (основы литературного языка) и других даргинских идиомов. Прежде всего, привлекает внимание тот факт, что форма 2-го лица в данном идиоме образуется при помощи маркера *-аб-ри*, не отмеченного в других даргинских идиомах, в которых, как правило, используется показатель *-аб-и*: *чарухъ-аб-и* «пусть ты вернешься» (акушинск.). С другой стороны, в акушинской идиоме не функционирует форма оптатива 1-го лица, т.е. парадигма оптатива в нем ущербная:

1 л. —

2 л. *уц-аб-и* «пусть тебя поймают»

3 л. *уц-аб*

—

дуц-аб-ая

буц-аб.

Сохранившаяся полная парадигма маркированного оптатива отмечена в гинтинском говоре цудахарского идиома: 1 л. *чарухъ-аб-а* «пусть я вернусь», 2 л. *чарухъ-аб-е* «пусть ты вернешься», 3 л. *чарухъ-аб* «пусть он вернется» [7, с. 64]. Как видно из примеров, форма 1-го лица оптатива в данном говоре образуется посредством показателя *-аб-а*, отличающегося от показателя 2-го лица *-аб-и*. Ожидаемая форма 1-го лица в кадарском должна была быть **чарухъабра*, поскольку личным показателем 1-го лица выступает окончание *-ра*. Однако в кадарском форма 1-го лица совпадает с формой 2-го лица, поскольку образована посредством показателя *-аб-ри*.

Значение 1-го лица в кадарском языке может передаваться и формой 3-го лица:

ед. ч.

1 л. *ну хвали уц-аб* «пусть меня поймают собаку»

2 л. *хЛу хвали уц-абри*

3 л. *ит хвали уц-аб*

мн. ч.

нуша хвали дуц-аб

хЛуша хвали дуц-абрия

ити хвали буц-аб.

Следует отметить, что в некоторых даргинских идиомах форма 3-го лица, образованная посредством *-аб*, используется для обозначения всех трех лиц, т.е. наблюдается параллельное использование двух форм [2, с. 174; 5, с. 217; 7, с. 57].

В кадарском языке маркированный оптатив может быть использован также для выражения пермиссивного значения, т.е. позволения совершить какое-нибудь действие: *хЛуни жуз баргале, хЛамI бугъ-аб* «если найдешь книгу, пусть будет твоей». Оптатив может функционировать и в императивном значении, при обращении к 3-му лицу как поручение адресату, который не является участником речи: *савлал Мурадли ну варг-аб* «пусть утром Мурад найдет меня».

Оптатив немаркированный не имеет специальных посткорневых показателей или личных окончаний, не имеет спряжения, характерного для других финитных форм глагола. Данная форма функционирует лишь в глаголах совершенного вида, следовательно, совпадает с основой совершенного вида: *ХЛу арале вам!* «Чтобы ты был здоровым!». *ХЛаа хъали анкIили биц!* «Чтобы твой дом наполнился зерном!» (пожелание благополучия семье).

Немаркированный оптатив отличается от маркированного рядом признаков. Он выражает более сильную, чем в маркированном оптативе, степень пожеланий; «говорящий выражает желание реализации ситуации и в какой-то мере пытается повлиять на его реализацию, пытается каузировать данную ситуацию» [8, с. 121]. Поэтому предложения, предикатом которых выступает немаркированный оптатив, как правило, являются восклицательными. Форма немаркированного оптатива неспособна образовать отдельную реплику или самостоятельное предложение. Другое отличие немаркированного оптатива от маркированного заключается в том, что в предложении он, как правило, занимает конечную позицию [Там же].

Одним из отличительных свойств немаркированного оптатива является его способность субстантивироваться – данная форма присоединяет падежные окончания и показатели множественности. В этой связи в акушинском языке С. Абдуллаев рассматривает данную форму в качестве имени [2, с. 143]. В работе Н. Р. Сумбатовой, Ю. А. Ландера [9] также обращается внимание на неоднозначность данной формы, где она названа «кратким оптативом» или «оптативным именем»: «Особую проблему создают формы так называемого краткого оптатива. В тантынском (как и в других даргинских идиомах), помимо спрягаемой формы оптатива имеется неспрягаемая форма с оптативным значением, которую мы будем называть кратким оптативом или, иначе, оптативным именем» [Там же, с. 111].

В кадарском языке встречается *оптатив ирреальный*, глагольная форма с модальным значением, близким к значению оптатива; она обозначает желание говорящего совершить действие, которое потенциально

может произойти. Образуется данная форма посредством показателя *-kla*, присоединяемого к глаголу совершенного вида: *вакIари-kIa* «хоть бы пришел».

Тиливизирла мелзе угьари-kIa ну. / «Если бы я был вместо телевизора». *Буцари-kIa нуни (хIуни, итини) мургьела балихь!* / «Хоть бы поймал я (ты, он) золотую рыбку!». *ВакIари-kIa ну иша.* / «Пришел бы я сюда».

Аффикс *-kla* кадарского языка из других даргинских идиомов находит аналог лишь в мегебском языке, где служит для образования условного наклонения [6, с. 106]. Следует отметить, что мегебский близок к кадарскому и по другим признакам, например, в отличие от даргинского литературного языка, где деепричастие настоящее оформлено суффиксом *-ули*, в кадарском используется суффикс *-ува*, как и в мегебском языке [Там же, с. 111]. Переход сонорного звука *л* в губной звук *в* в кадарском отмечен и в других словах, в частности в существительных *цула* «зуб» – *цува*, *хIула* «колесо» – *хIува*.

В литературном языке и в других даргинских диалектах значение ирреального оптатива передается посредством редупликации глагольной основы: *белчIадра белчIадри ГIяхIмадли ит жуз* «хоть бы прочитал Ахмед эту книгу».

Повелительные формы выражают приказание, просьбу, побуждение либо запрет к совершению действия, которое в момент речи не совершается: *буц-а* «лови». В кадарском языке функционируют 3 формы с подобным значением: императив, гортатив и прохитив.

Императив кадарского языка образуется посредством аффиксов *-а/-ая*, *-е/-ая*, *-ен/-ен-ая*, *-аб-а/-аб-ая*. Их функционирование в глаголе зависит от нескольких факторов: а) вида (совершенного или несовершенного), б) переходности глагола (переходный или непереходный) и в) окончания глагола в форме 3-го лица аориста (показатели *-иб*, *-уб*, *-ун*, присоединяемые к исходной основе глагола совершенного вида: *биц-иб* «продал», *акI-ун* «родился», *багь-ун* «узнал», *бугь-уб* «случилось, стало»).

Так, если предикат в предложении выражен переходным глаголом, то действие, как правило, направлено на 1-е или 3-е лицо, а если непереходным – на 2-е лицо. Если в предложении имеется пациенс в 1-м лице, то маркерами императива является *-а*: *ну варг-а* «найди (меня)», *нуша дарг-а* «найди нас».

От переходных глаголов, выражающих направленное на 3-е лицо действие и имеющих в аористе показатели *-иб*, *-уб*, форма императива образуется посредством показателей *-а/-ая*: *буц-иб* «поймал» – *буц-а* «лови», *буц-ая* «ловите»; *лебакI-иб* «кинул» – *лебакI-а* «кинь». *Маршрутка клачагь-ая ну дураухьасана.* / «Остановите маршрутку, чтобы я вышел». *Нешли хIушам варгилгьайзе бариблгьуна сабур гьана хIушанира нещиц бар-ая.* / «Проявляйте по отношению к матери такое же терпение, какое она проявляла к вам, когда вы были маленькими». *Нец лерхIале дигахь-еная, хIулдукI-аная.* / «Пока мама жива, любите ее, гордитесь ею».

Непереходные глаголы с показателями аориста *-иб*, *-уб* образуют императив присоединением маркеров *-е/-ерая*: *вакI-иб* «пришел» – *вакI-е* «приходи», *дакI-ерая* «приходите».

Глаголы с окончанием аориста *-ун* и все глаголы несовершенного вида в кадарском языке образуют императив посредством аффиксов *-ен/-еная*: *багь-ун* «узнал» – *багь-ен* «узнай», *багь-еная* «узнайте», *бир-ес* «делать» – *бир-ен* «делай» – *бир-еная* «делайте». *Узбе-рузбе, нец разиле рихI-еная, дугели гьардакI-ерая, белIмасра децIмайгьахь-идая.* / «Братья и сестры, радуйте маму, навещайте ее вечером и родителей не обижайте».

Рогатив обозначает вежливую просьбу. В кадарском идиоме данная форма образуется посредством специального показателя *-гьа*, который присоединяется к формам императива: *бара* «сделай» – *бара-гьа* «сделай, пожалуйста», *битIа-гьа* «скажи, пожалуйста», *вакIе-гьа* «приходи, пожалуйста». *Хьунул адамла хIулбе дисани дицIледуиб, ихини иб:* «Дия узи, иш виргил дурхIа чумилра бари дурар гаццили убкIуле, укува хIина их, кумек бара-гьа лебиллчу». / У женщины глаза наполнились слезами, она сказала: «Брат мой, этот маленький ребенок голоден уже несколько дней, он не ел, помоги, пожалуйста, чем можешь».

В качестве самостоятельной формы наклонения рогатив в даргиноведении был выделен в ицаринском идиоме, где маркируется долгим гласным *е*, присоединяемым к формам императива: *бат-ир* «оставь» – *бат-ре* «оставь, пожалуйста» [8, с. 129]. В работе Н. Р. Сумбатовой, Р. О. Муталова [13] данная форма названа прекативом [8, с. 88].

Прохитив в кадарском выступает в качестве отрицательной формы императива и рогатива, поскольку выражает запрет или отрицательную просьбу: *ма-м-ири* «не делай». Образуется данная форма посредством присоединения запретительного префикса *ма-* к глагольной основе несовершенного вида; действие, как правило, направлено на адресата высказывания (2-е лицо). Следует при этом отметить, что прохитив образуется не от форм императива и рогатива, как это следовало бы ожидать, а от форм хабитуалиса – формы времени, значение которой заключается в указании на действие, которое длится безотносительно к моменту речи и не имеет результата [Там же, с. 45]. 2-е лицо хабитуалиса образуется в кадарском посредством маркера *-ид*: *ХIуни мурталра гьалан картушкIали бириI-ид.* / «Ты всегда наполняешь мешок картошкой».

В образовании прохитива кадарского языка выявляются две особенности, отличающие его от других даргинских идиомов. Прежде всего, выпадает ауслатный элемент хабитуалиса *-д*, чего не наблюдается в акушинском идиоме: *бириI-ид* «наполняешь» – *ма-мириI-и* «не наполняй» (в акушинском: *ма-бириI-ид*). Помимо этого, из примеров видно, что в кадарском при образовании хабитуалиса происходит дистанционная ассимиляция: классно-числовой показатель *б* (3-й класс единственного числа, или 1-2-е классы множественного числа) уподобляется сонорному губному звуку *м*, который представлен в показателе прохитива *ма-*: *ма-мир-и* «не делай» (от *ма-бир-ид*), *ма-мури-и* «не лови» (от *ма-бури-ид*). Отметим также, что подобное явление отмечается и в близком кадарскому мегебском идиоме [6, с. 117].

Кондиционалис (условное наклонение) обозначает действие, которое будет служить условием для реализации какой-либо ситуации. В кадарском языке форма кондиционалиса образуется посредством присоединения показателя *-але* к глагольной основе совершенного или несовершенного вида: *нуни буц-але* «если я поймаю» – *нуни бурц-але* «если я буду ловить».

По лицам кондиционалис в кадарском не изменяется, в чем и состоит основная отличительная особенность данной формы в рассматриваемом языке. В акушинском идиоме кондиционалис образует серию модальных форм со значением условия, различающихся по лицу, таксису и виду: *бурцасли* «если я буду ловить», *бурцадли* (2 л.), *бурцалли* (3 л.) [12, р. 49]. А в некоторых южнодаргинских идиомах в формах кондиционалиса различаются переходные и непереходные глаголы – они оформляются разными маркерами, т.е. категория переходности в кондиционалисе получила морфологическое выражение.

Другая особенность кадарского кондиционалиса заключается в том, что он не имеет формы прошедшего времени (паст-формы), характерной для большинства финитных форм. В акушинском же идиоме данная форма образуется посредством маркера прошедшего времени *-ри*: *ну учI-ас-ри* «если бы я читал».

Форма кондиционалиса, как правило, используется в составе условного придаточного предложения: *Цунени це берквалера а-ле, умI беркунил хIамI дарман бугьаб иле укIус*. / «Если он скажет, что поел, я пожелаю, чтобы эта пища ему стала лекарством».

Концессив (уступительное наклонение) выражает действие, которое может совершиться, несмотря на наличие препятствующих ему условий (контрфактическое действие). В кадарском языке концессив образуется присоединением к форме кондиционалиса аффикса *-ра*: *буцале-ра*. Кондиционалис в кадарском, как уже отмечалось выше, не изменяется по лицам, следовательно, не имеет личных форм и концессив: *нуни буцалера* «если даже я поймаю», *хIуни буцалера* «если даже ты поймашь», *итини буцалера* «если даже он поймает». Следует также отметить, что концессив может выступать как в форме совершенного вида, так и в форме несовершенного: *нуни (1 л.) бурцале-ра* «если даже я буду ловить».

Форма концессива чаще всего используется в уступительных придаточных предложениях [Ibidem, р. 51]: *Цен вамсува хьули вакIале-ра, тиливизирикe цай тIарукIар*. / «Каким бы он уставшим не пришел домой, все равно он смотрит телевизор». *ЯрхIал дурхIя бикьунил нец ругьале-ра, их гьалис ахьука пикри рукIар*. / «Если даже мать родит семерых детей, она переживает о каждом из них».

Аффикс концессива *-ра* характерен и для других даргинских идиомов. «Формы концессива, по всей видимости, представляют собой более поздние образования, возникшие при грамматикализации сочинительного союза *-ра* “и”. Маркер *-ра* концессива легко увязывается с данным союзом и восходит к нему» [8, с. 135].

Таким образом, в результате проведенного исследования цель статьи достигнута – подробно описана категория наклонения в кадарском языке. Задачи, обозначенные во вводной части, также полностью решены: выявлены все функционирующие в данном языке модальные формы глагола. Установлены имеющиеся в кадарском особенности функционирования данной категории. Всего в кадарском языке представлено девять форм наклонений: индикатив, оптатив маркированный, оптатив немаркированный, оптатив ирреальный, императив, рогатив, прохобитив, кондиционалис и концессив. Определен инвентарь морфем этих форм; описаны их основные значения и способы образования. Следует отметить, что в формах кондиционалиса и концессива в данном идиоме исчезло спряжение.

Сравнение кадарских наклонений с формами наклонений литературного даргинского языка и других идиомов дает возможность делать вывод о том, что в кадарском языке модальных форм значительно меньше: отсутствуют формы интенционалиса, юссива, гипотетива, ирреалиса, представленные в других идиомах.

Список источников

1. Абдуллаев З. Г., Абдусаламов А. А., Мусаев М.-С. М., Темирбулатова С. М. Современный даргинский язык. Махачкала: Издательство Дагестанского научного центра РАН, 2014. 614 с.
2. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Дагучпедгиз, 1954. 218 с.
3. Вагизиева Н. А. О некоторых фонетических особенностях кадарского диалекта даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). Ч. 2. С. 65-68.
4. Добрушина Н. Р. Наклонение [Электронный ресурс]. URL: <http://tusgram.ru/Наклонение> (дата обращения: 24.01.2019).
5. Магомедов А. А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1963. 342 с.
6. Магомедов А. А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 232 с.
7. Мусаев М.-С. М. Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение). Махачкала: Дагучпедгиз, 1983. 87 с.
8. Муталов Р. О. Глагол даргинского языка. Махачкала: Издательско-полиграфический центр Дагестанского государственного университета, 2002. 220 с.
9. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.
10. Халипаева П. А. Наклонения глагола харбукского говора даргинского языка // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. Т. 46. С. 106-108.
11. Элементы цахурского языка в типологическом освещении / ред.-сост. А. Е. Кибрик; соред. Я. Г. Тестелец. М.: Наследие. 1999. 943 с.
12. Berg H. E. van den. Dargi folktales. Leiden: CNWS Publications, 2001. 324 p.
13. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icarı Dargwa. München: LINCOM EUROPA, 2003. 216 p.

CATEGORY OF MOOD IN THE KADAR LANGUAGE

Mutalov Rasul Osmanovich, Doctor in Philology, Professor
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
mutalovr@mail.ru

Vagizieva Naida Arslankhanovna
Dagestan Institute of Humanities, Makhachkala
naida.vagizieva@mail.ru

The article examines the category of mood in the Kadar language, one of the unwritten Dargin languages spoken in Dagestan. Special attention is paid to the formation and functioning of indirect moods in this language. The authors identify nine verbal forms with modal meanings, analyse the formation of these moods, and describe the semantic meanings. The peculiarities of the mood category functioning in the Kadar language in comparison with the Akushi and other Dargin languages are identified. In particular, it is shown that the Kadar language has fewer modal verb forms comparing to other Dargin languages.

Key words and phrases: Caucasian languages; Dargin languages; Kadar language; grammar; word-transforming categories; mood; modality.

УДК 81'512.153

Дата поступления рукописи: 16.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.39>

*В настоящей статье впервые исследуется лексика, используемая для номинации водоплавающих и околоводных птиц в хакасском языке и его диалектах. В основу исследования положены 76 лексических единиц, представленных в имеющихся двуязычных словарях, а также в научно-популярной и художественной литературе. В анализе использована лексика, обозначающая названия птиц, распространенных на территории Хакасии. Дан структурно-словообразовательный анализ исследуемых лексических единиц, определены основные мотивационные признаки номинации. Выявлено 6 лексем, восходящих к тюркской праформе (турна – *durnja 'журавль', хуу – *kogu 'лебедь', ортек – *ebürdek 'утка', хас – *ga:s 'гусь', хорды – *kordaj 'цапля', аат – *aŋut 'различные виды диких уток: морянка, чернядь, красная утка, турпан'), а также 12 лексем, не нашедших отражение в двуязычных словарях хакасского языка.*

Ключевые слова и фразы: лексика; лексема; орнитоним; словарь; словообразование; общетюркский; синоним; аффикс.

Чебодаева Лариса Ильинична, к. филол. н., доцент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан
larachebodaeva@mail.ru

НАЗВАНИЯ ВОДОПЛАВАЮЩИХ И ОКОЛОВОДНЫХ ПТИЦ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-012-00242/19.

Объектом исследования выбрана орнитологическая лексика хакасского языка, используемая для номинации водоплавающих и околоводных птиц. Лексика, отражающая данную лексико-семантическую группу и относящаяся к тематической группе 'птицы', в хакасском языке, как и в любом другом языке, связана с культурным кодом и отражает особенности языковой системы на семантическом и словообразовательном уровнях.

Актуальность темы исследования определяется тем, что обилие слов в хакасском языке, служащих для номинации птиц, и отсутствие работ по их комплексному исследованию и систематизации показывают необходимость всестороннего исследования данной тематической группы в целом и отдельных её лексико-семантических подгрупп в частности. Орнитологическая лексика хакасского языка в основном рассматривалась в связи с решением отдельных лингвистических вопросов в исследованиях, посвященных лексике тюркских языков [4; 5; 7].

Научная новизна работы обусловлена тем, что в качестве исследуемого материала впервые берется весь корпус наименований водоплавающих и околоводных птиц хакасского языка, проведен их структурно-словообразовательный анализ, а также установлены принципы номинации и способы образования названий птиц.

В целях создания целостной адекватной языковой картины мира материалом для исследования нами были выбраны наименования тех видов водоплавающих и околоводных птиц, которые обитают или когда-то обитали на территории Хакасии. Основным источником исследования явились названия водоплавающих и околоводных птиц, представленные в двуязычных словарях хакасского языка. В качестве дополнительных материалов привлекалась научно-популярная и художественная литература.

Целью исследования является изучение орнитологических наименований в структурном, словообразовательном и номинативном аспектах, которое требует решения таких задач, как выявление, систематизация